

Необходимо, чтобы учащиеся имели не только возможность, но и желание отвечать, входить в контакт, выступать в качестве инициатора высказывания. Условно можно назвать эту готовность состоянием творческой раскованности. Основой его является понимание учащимися полезности и важности стоящих перед ними задач, высокий коммуникативный потенциал заданий, предлагаемых для проверки усвоенного материала. Реальная потребность высказаться по интересующему вопросу с использованием самостоятельно изученного материала — оптимальное условие для проверки домашнего задания.

Рациональная организация проверки подразумевает также наличие у учащихся сформированных навыков самоконтроля и взаимоконтроля, т. е. коррекции собственной речи и речи товарищей по группе. В идеальном варианте на продвинутом этапе обучения корректирующая роль преподавателя сводится к указанию зоны ошибки. Далее должны действовать самоконтроль и взаимоконтроль учащихся.

Подводя итоги сказанному, подчеркнем, что домашнее, внеаудиторное задание составляет на сегодняшний день значительный резерв учебного процесса. Чтобы говорить о зрелости, подготовленности конкретного курса обучения, надо иметь положительный ответ по крайней мере на следующие вопросы: снабжен ли курс достаточным количеством заданий для самостоятельной работы учащихся, есть ли в пособиях для преподавателя рекомендации о том, какую именно часть курса лучше вынести в самостоятельную работу учащихся, соблюдаются ли в практике проведения этого курса требования адекватности домашних заданий целям обучения, отработана ли оптимальная форма проверки заданий.

Инициатива в процессе обучения безусловно принадлежит преподавателю, но это не значит, что инициатива и сознательность обучаемых не играют большой роли в обучении. Преподавание — процесс двусторонний, и, чтобы повысить его эффективность, преподаватель должен постоянно апеллировать к сознательности, интересу и способностям учащихся. А именно этой цели и служит правильно организованная внеаудиторная домашняя работа.

Лингвистика

Институт
русской филологии
Варшавского
университета
(ПНР)

С. Сятковский

Социолингвистика, социология языка и социология языковой коммуникации

Язык и речь с давних времен были предметом научного интереса не только со стороны лингвистов. Но особенно в наше время, когда злободневной становится для науки проблема человека, язык и речь, определяющие в значительной степени специфику человека и играющие существенную роль как в его развитии, так и в развитии всей духовной и материальной культуры, привлекают все большее внимание представителей самых различных наук. В связи с этим растет значение более полного и более глубокого изучения языковой системы, а также разных аспектов и явлений языковой коммуникации (речи).

В последние десятилетия наблюдается интенсивное развитие социолингвистики (к ней часто причисляют и социологию языка), которая стремится все более расширить свой предмет исследования как в сторону социального контекста языковой коммуникации, так и всей языковой системы, что приводит к ее столкновению с «чистой» лингвистикой, особенно с теми ее направлениями, которые основным исследовательским предметом считают имманентную, закрытую систему языка. В результате современная структурная и генеративная лингвистика (в том числе и генеративная грамматика Н. Хомского), а также отчасти другие

направления синхронного языкознания, попали под сильный удар критики со стороны многих социолингвистов — В. Лабова, Д. Хаймса, Р. Белла, Дж. Фишмана и др.

Согласно взглядам Р. Белла [1, с. 278] и других упомянутых нами сторонников социолингвистики направлений лингвистики, основным предметом которой была закрытая система языка, следует существенным образом видоизменить и подчинить новой, более совершенной социолингвистической теории, в основе которой лежит понимание языка как открытой системы.

Причиной значительной части недоразумений, появившихся в науке, в том числе и в науке о языке, является альтернативность решений и связанная с этим абсолютизация постулируемого подхода. Упомянутые выше представители социолингвистического направления справедливо заметили, что за пределами поля зрения лингвистики оставались многие важные области языковой коммуникации, не поддающиеся исследованию методами чисто лингвистического анализа. Но, сделав предметом своих исследований коммуникативные акты, в которых присутствуют и языковые явления и которые, по их мнению, являются единственным источником изучения языка, они пришли к ошибочному выводу о нецелесообразности существования науки, главной целью которой является описание абстрактной системы языка, науки с ограниченными возможностями, какой, по их мнению, является лингвистика. Приняв одно из альтернативных решений, они, по-видимому, не заметили, что вместе с водой выплеснули и ребенка.

Дело в том, что язык представляет собой относительно закрытую систему, но он «работает», функционирует и как закрытая, и как открытая система. Из этой констатации вытекают далеко идущие теоретические и практические следствия.

В реальной речи мы часто наблюдаем употребление лишь отдельных элементов, предписанных внутрисистемными языковыми правилами. Эти элементы, «кусочки» языковых моделей, дополняются, согласно правилам речи контекстными, ситуативными, паравербально-семиотическими и другими элементами, которые совместно образуют коммуникативные структуры, являющиеся репрезентантами еще не установленных социально-речевых моделей. В такого типа социально-речевых построениях языковые факты участвуют на правах части целого.

С другой стороны, в языковой коммуникации образуются потребность и необходимость использования полных языковых структур, построенных по внутрисистемным языковым законам и правилам. Кроме того, язык всегда

обладает возможностью выражения любой информации собственными средствами независимо от экстралингвистических элементов и факторов. Значит, язык может, но не обязательно должен функционировать как открытая система. Тот факт, что язык обладает возможностью функционировать исключительно по действующим в нем законам и правилам, подтверждает относительно закрытый, имманентный характер его системы.

Из сказанного следует, что для того чтобы адекватно исследовать социально-речевую реальность, в которой участвуют или полные языковые структуры, или их части, сопряженные с экстралингвистическими явлениями, необходимо хорошо знать систему языка и ее функциональные возможности. И подобно тому, как нельзя, пользуясь только лингвистическими методами, эффективно исследовать социально-речевую реальность, так и нельзя только при помощи социолингвистических или социологических методов адекватно изучить языковую систему. Для изучения последней должна существовать и существует наука о языке. Автономность лингвистики и целесообразность ее существования никак не должны оспариваться социолингвистикой, так как существование и развитие первой является важным условием существования и развития последней. Следовательно, отношения между лингвистикой и социолингвистикой должны рассматриваться в аспекте взаимного дополнения, а не взаимного исключения.

В Польше, Советском Союзе, имеющем богатые традиции в области социолингвистических исследований, восходящие к трудам Е. Д. Поливанова, В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, Л. П. Якубинского и других исследователей, Чехословакии, ГДР и ряде других стран тезис об альтернативном существовании лингвистики или социолингвистики, насколько нам известно, никогда не ставился на обсуждение. В этих странах в последнее время обсуждаются предмет, исследовательские методы и научный статус социолингвистики, вопрос о ее отношении к лингвистике и социологии. На эту тему ведутся также оживленные споры в западно-европейской и особенно в американской социолингвистической и социологической литературе. Однако, несмотря на значительные достижения в данной области, предложенные решения не могут считаться вполне удовлетворительными, так как они не учитывают некоторых существенных аспектов этой сложной проблематики. Здесь нет необходимости рассматривать высказанные в связи с этим различные точки зрения. Они довольно подробно представлены, например, в работах [3] и [4] А. Д. Швейцера. Укажем лишь на две концепции.

Р. Гроссе и А. Нойберт в статье [5], в частности, пишут, что взаимоотношения между языком и обществом могут рассматриваться с двух точек зрения, подобно тому как в семиотике рассматривается прагматическое отношение языковой знак — человек, которое считается обратимым. Если в качестве исходного элемента анализа принимаются лингвистические факты, то мы имеем дело с социоллингвистикой, которая относится к компетенции лингвистической науки. Если же отправной точкой анализа считаются общественные явления и отношения, то мы имеем дело с социологией языка (лингвосоциологией), которая входит в состав социологической науки.

В отличие от этого А. Д. Швейцер в упомянутой монографии [4] представил концепцию, согласно которой вся проблематика, охватывающая отношения между языком и обществом, должна рассматриваться в рамках одной науки — социоллингвистики, занимающей место на стыке лингвистики и социологии и располагающей своим собственным понятийным аппаратом и исследовательскими методами. Но предложенный автором фрагмент понятийного аппарата относится лишь к некоторым явлениям социоллингвистики, связанным прежде всего с социально обусловленной вариативностью языка.

Однако вряд ли возможно полное изучение всех аспектов отношений между языком и обществом при помощи единого исследовательского аппарата. Так, изучение закономерностей и результатов воздействия экстралингвистических факторов на развитие литературных языков должно вестись путем использования преимущественно лингвистических понятий и исследовательских методов, тогда как нелингвистические приемы анализа здесь могут играть лишь вспомогательную роль. Такой подход должен быть характерен для изучения закономерностей и результатов воздействия общественных явлений на систему языка как в диахронической, так и синхронической перспективе. С другой стороны, если мы хотим изучить социально-речевую реальность, в которой речь рассматривается как компонент более широких общественных связей, то мы не можем обойтись без социологических категорий и методов как главного исследовательского инструмента. Из этого видно, что цели и задачи изучения различных аспектов отношений между языком и обществом настолько разобцены, настолько связаны с разными предметными эмпирическими основами и настолько обусловлены разными факторами, что при использовании единого исследовательского аппарата мы неизбежно должны пройти мимо ряда существенных аспектов и проблем этих отношений.

Определение научного статуса исследования отношений между языком и обществом является актуальной, но все еще не решенной задачей. Таким именно образом сформировалась на стыке психологии и социологии общественная психология, которую одни относят к компетенции психологии, другие — к компетенции социологии, но в последнее время она все чаще рассматривается, вопреки своему названию и несмотря на то, что она обычно составляет подоснову социологических исследований, как относительно самостоятельная научная дисциплина, связывающая в определенном плане психические и социальные явления.

Думается, что в случае исследования отношений между языком и обществом целесообразно выделить четыре взаимосвязанные и дополняющие друг друга области (дисциплины).

Первая область, изучающая закономерности и результаты воздействия общественных явлений на функционирование и развитие языка и речи (как в литературных, так и нелитературных разновидностях), может быть названа внутренней социоллингвистикой. Она в той или иной степени «пронизывает» собственно лингвистику (синхроническую и диахроническую) или дополняет ее в виде отдельного исследовательского аспекта, учет которого при решении различных лингвистических проблем помогает избежать нежелательную системную и исследовательскую стерильность, ибо язык функционирует и развивается обычно как слагаемое действия внутрисистемных и экстралингвистических факторов. Это наиболее заметно ощущается в таких дисциплинах, как история литературного языка, функциональная стилистика, культура речи и др.

Вторая область, занимающая промежуточное место между лингвистикой, социологией и психологией, может быть названа внешней социоллингвистикой. Она изучает взаимоотношения между языковыми, социальными и отчасти психическими явлениями, в частности диалектику прямых и обратных связей между ними. К ней относятся такие вопросы, как билингвизм, диглоссия, креолизация языков, происхождение языка и т. п. Их решение осуществляется путем совместного применения понятийного аппарата и методов социологии, лежащих в ее основе общественной психологии и лингвистики.

Третья область охватывает такую еще почти совсем не разработанную проблематику, как влияние языка на мышление, общественные структуры (например, на формирование народностей, наций, международных коммуникативных общностей и т. п.), культуру,

нормы поведения людей. Сюда же относится исследование роли социальных и профессиональных жаргонов в жизни различных социальных групп, а также ряд других вопросов. Хотя роль языка в жизни общества проявляется через посредничество речи, предметом изучения является здесь не социально-речевая реальность и ее взаимоотношения с другими социальными реальностями, а результаты функционирования языка как семиотической системы, которые находят отражение в общественных структурах, общественной деятельности и ее продуктах. Короче говоря, основной задачей этой дисциплины, которую можно назвать социологией языка (лингвосоциологией), является исследование роли языка в жизни общества на разных этапах его развития. Эта задача может решаться прежде всего при помощи понятий и методов социологии и общественной психологии.

Четвертую область, которая также является по своей природе социологической дисциплиной, мы будем называть социологией языковой коммуникации¹. Предметом исследования является здесь социально-речевая реальность, т. е. языковая коммуникация, понимаемая как общественный процесс, и ее связи с другими социальными реальностями. Все явления, составляющие социально-речевую реальность, социально значимы и должны исследоваться путем использования понятийного аппарата и методов главным образом социологии и общественной психологии.

Однако не всякое исследование реальной речи и ее продукта — текста относится к социологии языковой коммуникации. В изучении языковой коммуникации можно выделить следующие дополняющие друг друга аспекты: лингвосемиотический, психологический, социологический. В основе языковой коммуникации лежат также культурный, информационно-познавательный, логический и, возможно, другие компоненты, которые наполняют эти аспекты (и процессы речи) соответствующей информацией.

Эти аспекты и компоненты речи могут быть адекватно изучены при помощи понятий

¹ Данную дисциплину можно также называть социологией речи. Использование здесь словосочетания «речевая коммуникация» (социология речевой коммуникации) представляется менее удачным из-за его плеонастического характера. Принятое нами название «социология языковой коммуникации» понимается как социология коммуникации, главным средством которой является язык (именно язык, а не речь, так как речь — это уже коммуникация).

² Особенно внутренней социолингвистики речи, так как в реальных речевых процессах функционирование языковых единиц часто является результатом воздействия не только внутрисистемных механизмов языка, но и экстралингвистических, особенно социальных факторов.

и методов лингвистики речи², психологии речи, социологии речи, лингвострановедения, паравербальной семиотики (часто включаемой в лингвострановедение) и других дисциплин. Поскольку эти аспекты и компоненты, сочетаясь, образуют социально-речевую реальность, важно изучить закономерности и правила их корреляции (взаимной обусловленности), иерархии и координации в языковой коммуникации.

Принципиальным вопросом является здесь определение общей основы, на которой осуществляется синтез аспектов и компонентов языковой коммуникации. Решение этого вопроса зависит от характера межаспектных и межкомпонентных отношений, а также от отношений между аспектами и компонентами речи. Хотя между всеми этими видами отношений существуют двусторонние обратные связи, не подлежит сомнению тот факт, что лингвосемиотический и психический аспекты, а также компоненты речи подчинены в целом социальному аспекту. Если бы было иначе, речь не смогла бы удовлетворять различные потребности общества, ради чего она существует. Социальные закономерности и правила в той или иной степени распространяются на все явления языковой коммуникации, оказывая влияние на функционирование языка, паравербальных семиотических систем, психических и других явлений. Употребление, например, предложения *Надень пальто!* — это всего лишь внешний, содержащий итоговую информацию сигнал различных социальных и социально-психических отношений и факторов — социальной позиции и роли говорящего, мотивов, целей, интенций, межличностного отношения и других факторов, которые породили этот сигнал и без которых он теряет свой смысл.

В свете вышесказанного нам представляются необоснованными попытки целостного изучения языковой коммуникации с учетом социального контекста путем расширения предмета и задач лингвистики и создания новой языковедческой дисциплины — расширенной лингвистической прагматики³ или построения единой теории языковой коммуникации за счет расширения предмета и задач главным образом психологической теории речевой деятельности (по сути дела психолингвистики)

³ См. ставшую уже известной монографию [6], в которой совершенно справедливо ставятся актуальные и важные проблемы и задачи, но разрешение всех этих проблем и задач вряд ли может быть осуществлено при помощи лингвистических понятий и методов, так как многие из них находятся за пределами компетенции лингвистики. Этим мы, конечно, не отрицаем права на существование лингвистической прагматики, понимаемой как учение об одном из аспектов языкового знака и системы языка, отражающем отношения между единицами языка и лицом или лицами, которые пользуются языком.

и отчасти лингвистики⁴. Если рассматривать вещи в категориях «расширения» предмета и задач определенной науки, то, исходя из всеобъемлющего характера социальной обусловленности, можно найти больше оснований считать психоллингвистику и даже лингвистику продлением, расширением социологии и общественной психологии. Но, на наш взгляд, попытки какого бы то ни было распространения предмета и задач одной науки на область, относящуюся к компетенции другой (даже тесно взаимосвязанной с первой) науки, нельзя считать вполне эффективными, так как теряется при этом специфика наук и в результате либо из поля зрения исследователя выпадают многие проблемы, либо они решаются некомпетентным образом. Поэтому весьма важной задачей является сохранение необходимой автономности и учет специфики всех, особенно близких друг другу научных дисциплин и областей.

Ради справедливости надо, однако, отметить, что расширение лингвистики или психоллингвистики в сторону изучения социальных детерминантов языковой коммуникации может в известной степени обогатить наши знания в данной области, но такое изучение, лишённое надежного социологического исследовательского аппарата и необходимого контекста социологических наук, неизбежно будет носить фрагментарный характер и не сможет адекватно выявить весь социальный аспект языковой коммуникации. Оно не сможет также привести к построению целостной картины взаимоотношений между разными аспектами и компонентами языковой коммуникации, в которой социальный аспект играет ведущую роль.

Следовательно, расширение названных наук в сторону социальных явлений может быть оценено в целом как необоснованный акт, так как при помощи понятий и методов, свойственных лингвистике или психоллингвистике, невозможно плодотворно решить социологические проблемы речи. Кроме того, оно противоречит характеру социальной обусловленности фактов языковой коммуникации, идущей как раз в противоположном направлении —

от социальных факторов к психическим и лингвосомиотическим. Исследуя же социальный аспект языковой коммуникации при помощи адекватного понятийно-методологического аппарата, который может быть по своему существу только социологическим, и одновременно считая эти начинания частью лингвистики (расширенной лингвистической прагматики) или психологической теории речевой деятельности (расширенной психоллингвистики), мы становимся похожими на мольеровского Журдена, который говорил прозой, но не знал об этом.

Из вышесказанного видно, что предлагаемые также некоторыми учеными попытки построить вместо психоллингвистики, лингвистики речи, социологии речи и других наук о речевой деятельности одну общую науку о языковой коммуникации или объединить часть этих наук, например, в социопсихоллингвистику таят в себе опасность недостаточного учета и неадекватного изучения всей отмеченной выше сложной природы и специфики языковой коммуникации. Далеко не все, что функционирует как определенное целое, может быть всесторонне и адекватно изучено в рамках одной науки. Примером может служить хотя бы сам человек, который функционирует как не подлежащее сомнению целое, но никак не может быть всесторонне изучен при помощи одной науки⁵.

Итак, основная задача социологии языковой коммуникации — изучение социального аспекта реальных процессов речи, в частности закономерностей и правил взаимодействия и сочетания отдельных явлений указанных аспектов и компонентов в коммуникативные единицы и модели, соответствующие общественным потребностям и нормам социально-речевого поведения. Социология языковой коммуникации интегрирует результаты разных наук об отдельных аспектах и компонентах речи, обращая главное внимание на социальный аспект. Она является частной социологической дисциплиной, которая в случае учета лингводидактических целей и задач приобретает прикладной характер, включаясь в интегрированную систему научных основ преподавания иностранных языков. Для решения указанных, а также других проблем социология языковой коммуникации должна использовать соответствующие результаты других

⁴ См. раздел «К построению теории речевой коммуникации» в книге [2]. Автор этого раздела, содержащего много интересных наблюдений и рассуждений, в значительной степени синтезирующего советскую и западную научную литературу по данному вопросу, Е. Ф. Тарасов совершенно справедливо отмечает, что внутренние, психофизиологические факторы речи и психика подчинены в целом социальным факторам, но, несмотря на это, считает анализ социального аспекта языковой коммуникации (по терминологии Е. Ф. Тарасова — речевой коммуникации) лишь расширением, продлением психоллингвистического и отчасти лингвистического анализ.

⁵ Усиливающиеся в последнее время обвинения языкознания в редукционизме в свете вышесказанного в значительной степени теряют свой вес. Языкознание, если не хочет потерять своей природы, специфики и эвристической способности, должно оставаться в пределах своей компетенции и, следовательно, должно сохранять собственные, только ему свойственные предмет изучения, исследовательские цели, задачи и методы.

социологических наук, социальной психологии, лингвистики, социологии языка, психолингвистики, семиотики, социальной антропологии, этнометодологии и других дисциплин. В некоторых из них имеется много ценного, непосредственно относящегося к предмету и задачам социологии языковой коммуникации. Использование результатов разных наук на социологической основе является важным свойством социологии вообще как наиболее общей общественной науки, характеризующейся естественной склонностью к проникновению в различные области социальных явлений и к интеграции последних.

ЛИТЕРАТУРА

- 1
Белл Р.
Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы. — М., 1980;
- 2
Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М.
Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. — М., 1979;
- 3
Швейцер А. Д.
Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. — Л., 1971;
- 4
Швейцер А. Д.
Современная социоллингвистика: Теория, проблемы, методы. — М., 1977;
- 5
Grosse R. und Neubert A.
Thesen zur marxistischen Soziolinguistik. — Linguistische Arbeitsberichte. Leipzig, 1970;
- 6
Braunroth M., Seyfert G., Siegel K., Vahle F.
Ansätze und Aufgaben der linguistischen Pragmatik. — Frankfurt/M., 1975.

Материалы и сообщения

Х. Глэкнер

*Директор
Института
повышения
квалификации
преподавателей
русского языка
вузов и
средних
специальных
заведений
(Лейпциг, ГДР)
Доц., д-р*

Преподавание русского языка на курсах повышения квалификации в условиях отсутствия языковой среды

В настоящее время основным принципом при обучении иностранному языку как советскими методистами, так и многими методистами других стран признается коммуникативность. Об этом пишут В. Г. Костомаров и О. Д. Митрофанова [1, 2], авторы теоретических статей и учебных материалов (последние часто имплицитно) ведущих научно-методических журналов. Той же точки зрения придерживаются и ученые ГДР [3—5], причем научно-исследовательские коллективы, состоящие из лингвистов, методистов и преподавателей-практиков, решают конкретные вопросы, связанные с наиболее целесообразным претворением указанного принципа в жизнь, разрабатывают приемы введения языкового материала с учетом его функциональной значимости, его значения для коммуникации, а также с учетом этапа обучения.

В данной статье нам хотелось бы рассказать о методах подачи языкового материала,